

Леонид Андреев

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

ПЬЕСЫ

УДК 82-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.

А65 Жизнь человека / Л. Андреев. — М. : Т8RUGRAM, 2018. — 274 с.

ISBN 978-5-519-61161-9

«Мне не важно, кто он, герой моих произведений. Мне важно только одно — что он человек и как таковой несёт одни и те же тяготы жизни», — написал Андреев о пьесе «Жизнь человека», предлагая читателю взглянуть на существо, лишённое примет времени, страны, социальной среды и ответить на вопрос: кто же есть истинные мы?

УДК 82-2
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC040000

СОДЕРЖАНИЕ

К ЗВЕЗДАМ.....	5
САВВА (IGNIS SANAT).....	81
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА.....	185

К ЗВЕЗДАМ

Действующие лица:

Терновский Сергей Николаевич, русский ученый, уехавший за границу. Директор обсерватории. Знаменит; член многих академий и ученых обществ. Пятьдесят шесть лет, но на вид кажется моложе. Движения плавные, спокойные и очень точные; так же сдержан и точен в жестикуляции — ничего лишнего. Вежлив, внимателен, но от всего этого отдает холодом.

Терновская Инна Александровна, жена его, тех же почти лет.

Дети Терновских:

Николай, 27 лет.

Анна, 25 лет. Красива и суха, одета не к лицу.

Петя, 18 лет. Бледный, изящный, хрупкий; черные выющиеся волосы; белый отложной воротник.

Верховцев Валентин Алексеевич, муж Анны. Лет 30. Рыжий. Самоуверен, повелителен, насмешлив. Иногда груб. Инженер.

Маруся, невеста Николая, 20 лет. Красивая.

Ассистенты Терновского:

Поллак. Сухой, высокий, с большим лысым черепом, корректный. 32 года. Механичен. Курит сигары.

Лунц Иосиф Абрамович. Еврей, 28 лет. Привычка обращаться с точными инструментами придает движени-

ям сдержанность и точность; но при волнении Лунц не выдерживает и жестикулирует со страстностью южанина-сеμίта.

Житов Василий Васильевич. Неопределенного возраста. Велик, волосат, медведеобразен. Всегда сидит. Свообразно красив.

Трейч, рабочий, 30 лет. Черный, худощавый, очень красивый, сильно изогнутые брови; дальнзорок. Прост, серьезен, несловоохотлив.

Шмидт. Молод. Маленького роста; мелкие, но правильные черты лица; одет тщательно; говорит тонким голосом. Имеет вид незначительный.

Минна, служанка.

Франц, слуга.

Старуха.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Обсерватория в горах. Поздний вечер. Сцена представляет две комнаты; первая — нечто вроде столовой, большая, с белыми толстыми стенами; у окон, за которыми мечется во тьме что-то белое, очень широкие подоконники; огромный камин, в котором горят поленья. Убранство простое, строгое, отсутствие мягкой мебели и занавесок. Несколько гравюр: портреты астрономов, волхвы, приведенные звездю ко Христу. Лестница вверх, в библиотеку и кабинет Терновского. Задняя комната — обширный рабочий кабинет, в общем похожий на первую комнату, но без камина. Несколько столов. Фотографии звезд и лунной поверхности, некоторые простейшие

инструменты. Сидит за работой ассистент Терновского — Поллак В передней комнате Инна Александровна и Житов разговаривают; Петя читает; Лунц ходит взад и вперед. У очага кухарка-немка готовит кофе. За окнами свист и вой горной вьюги. Потрескивают дрова в камине. Равномерно звонит колокол, сзывая заблудившихся.

Инна Александровна. Звонит, звонит, а все без толку. За четыре дня хоть бы кто пришел. Сидишь, сидишь, да и подумаешь: уж живы ли там люди-то?

Петя (*отрываясь*). А кому прийти? Кто пойдет сюда?

Инна Александровна. Ну, мало ли кто! Снизу может кто прийти...

Петя. Не до того им, чтобы по горам лазить.

Житов. Да, положение затруднительное. Дороги нет — как в осажденном городе, ни оттуда, ни отсюда.

Инна Александровна. Денька через два и есть нечего будет.

Житов. Так посидим.

Инна Александровна. Вам-то хорошо говорить, Василий Васильевич, — вы, как медведь, своим жиром неделю сыты будете, — а что мне с Сергеем Николаевичем делать?

Житов. А вы ему запас сделайте, мы и так обойдемся. Лунц, а Лунц, вы бы сели!

Лунц не отвечает, ходит.

Инна Александровна. Ну и сторонка! Постоите, словно постучал кто. Постоите-ка! (*Прислушивается.*) Нет, показалось. Какая метель, у нас такой не бывает.

Житов. Бывает... в степи.

Инна Александровна. В степи не жила... не знаю. Как бьет в окна!

Петя. Ты напрасно ждешь, мама, — никто не придет.

Инна Александровна. А может?.. (Пауза.) Газеты старые почитать, что ли... да уж читаны-перечитаны. Иосиф Абрамыч, вы ничего новенького не слышали?

Лунц (*останавливаясь*). Откуда же я могу услышать? Как вы странно спрашиваете. Ведь это же невозможно, ей-богу. Откуда я могу услышать, сами посудите. Странно!

Инна Александровна. Ну-ну, я — так, не сердитесь. Душа кровью обливается, как подумаешь, что там делается! Господи!

Житов. Дерутся.

Инна Александровна. Дерутся! Вам-то легко говорить, Василий Васильевич, у вас там никого своих нету, а у меня ведь дети! И ничего-то не знаешь, как в лесу... да какое — в лесу! В лесу хоть птица пролетит, заяц пробежит, а тут...

Лунц (*на ходу*). Может быть, там уже полная победа. Может быть, там уже новый мир — на развалинах старого.

Житов. Не думаю. Непохоже было.

Петя. Почему это не думаете? Вы читали, что министерство подало в отставку, что весь город в баррикадах, что пролетариат уже овладел ратушей? А за пять дней что могло произойти!

Житов. Ну, может быть, не знаю. Лунц, вы бы сели. По моему расчету, вы за эти дни верст двести сделали.

Лунц. Отстаньте! Я вам не мешаю, и вы мне не мешайте. Как это некультурно: врваться в чужую жизнь.

Я же не говорю вам: Житов, не дремлите по целым часам, вы уже проспали вечность. Я не говорю!

Петя подходит к Луницу и тихо разговаривает с ним о чем-то. Ходят рядом, изредка обмениваясь словами.

Инна Александровна (*тихо Житову*). Экий недо-трога! Ну что же, Василий Васильевич, выпьем кофейку, что ли, с горя...

Житов. Я бы чаю выпил.

Инна Александровна. Сказал! Я бы и сама, батюшка, чайку бы выпила, да где его возьмешь. С малиновым вареньем бы — хорошо.

Житов. А я так — вприкуску.

Инна Александровна. Да что уж! Вы вот что скажите, Василий Васильевич, — ко всему я тут привыкла, ну ко всему — и к горам этим, и к безлюдью, а вот березку позабыть не могу. Как подумаю, как вспомню — так часа два плачу, как угорелая. У нас в имении усадьба на горке стояла, а вокруг березовая роща — какая роща! После дождя такой, бывало, подымется запах, что... что... (Утирает глаза.)

Житов. А вы бы взяли да и съездили в Россию месяца на два.

Инна Александровна. А с кем же я его оставляю? Он тоже меня сколько раз уговаривал, — да разве это можно! Ну вдруг заболит? — года у меня с ним не маленькие.

Житов. Я останусь.

Инна Александровна. Нет, нет, и не говорите. Нету березки, и не надо, — ведь я к слову сказала. Нет, нет. Тут тоже хорошо. Вот весна идет...

Житов. А если б его в Сибирь услали? Поехали б?

Инна Александровна. А почему ж не поехать? И в Сибири люди живут. Эка!

Житов. Вы славная, Инна Александровна.

Инна Александровна (*нежно*). А ты глупый, — разве старухам такие вещи говорят? А и вправду, Василий Васильевич, отчего бы вам не жениться? Жили бы тут да поживали, как мы вот с Сергеем Николаевичем.

Житов. Нет, куда мне... Человек я непоседливый.

Инна Александровна (*смеясь*). То-то, похоже.

Житов. Нет, верно. Нынче здесь, а завтра там. Я и астрономию скоро брошу. Я ведь в Австралии еще не был.

Инна Александровна. А туда зачем?

Житов. Да так. Посмотреть, как люди живут.

Инна Александровна. Да ведь у вас, Василий Васильевич, и денег-то нет. Это тому хорошо путешествовать, у кого есть деньги.

Житов. Да я не путешествовать, я так. Поступлю на железную дорогу или на завод.

Инна Александровна. Из астрономов-то?

Житов. Что же, этому легко научиться. Я механику знаю. Мне немного надо, я человек неизбалованный.

Пауза. Свист вьюги сильнее.

Петя. Мама, а папа где? работает?

Инна Александровна. Да... просил не мешать ему.

Петя (*пожимая плечами*). Как он может работать в такое время! Не понимаю.

Инна Александровна. А так и может. Что же, лучше, если он вот так метаться будет? Вон Поллак тоже работает.